

Гоблин

БЕСОБОРЕЦ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г57

Серия «Фэнтези-магия»

Выпуск 68

Иллюстрации на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Гоблин
Г57 Бесоборец: роман / Гоблин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Фэнтези-магия).

ISBN 978-5-17-156819-1

Я вырос в приюте. Меня ждало служение одной из дворянских семей, крохотная квартирка в рабочем районе и возможно бесславная смерть в одной из подворотен.

Но судьба дала мне шанс. Я, бастард, попал в дом своего отца, стал князем и получил в довесок наглуую сводную сестру, которая меня ненавидит. Или все куда сложнее?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156819-1

© Гоблин, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

На поляну я вышел, когда изрядно стемнело. Весь исцарапанный сухими ветвями. Несколько километров назад я заметил между стволов деревьев огонек и пошел в его сторону. Зрение сыграло со мной жестокую шутку. Мне казалось, что до источника света рукой подать, но добрался я до него спустя пару часов.

Я оперся рукой о шероховатый ствол дуба и выдохнул. Передо мной раскинулась поросль колючего кустарника. Едва заметная тропа вилась среди бурьяна и вела к дому.

С виду тот был похож на охотничью сторожку. Только вот никаких охотничьих зон и угодий в Лихолесье никогда не было.

Строение было старым, скособоченным, вросшим в землю, с заваленной замшелыми ветками и палой листвой крышей. Окна дома были забраны потемневшими от времени досками. Сквозь щели виднелись мутные стекла. Я с опаской взглянул на крыльцо, которое вело к покосившейся, грубо сколоченной двери. Продавленные ступени зияли проломами.

Я подошел к крыльцу, коснулся Плетения прыжка и перенесся на верхнюю ступень. Правая

нога соскользнула, и я нелепо взмахнул руками, удерживая равновесие. Выпрямился, с облегчением выдохнул. Ухватился за проржавевшую ручку и потянул ее на себя. Дверь с протяжным скрипом распахнулась, приглашая меня внутрь.

Пахнуло мхом, стоячей водой и гниющей ветошью. Под потолком забились летучая мышь, которая не решилась вылететь и застыла на месте, пуча глаза-бусинки и открывая зубастый рот.

Убранство лесной избы было весьма скудным. Печь в углу, несколько полок вдоль стены, на которых виднелись банки с мутным содержимым. Под потолком висели пучки пыльных трав. Широкая лавка растянулась у занавешенного тряпкой окна. Большой стол когда-то был добротным, но кто-то однажды сломал его и наскоро скрепил ножки со столешницей длинными темными гвоздями. На полу лежал грязный домотканый ковер. Его угол завернулся, явив крышку подвальной двери.

Но это я отметил попутно. Потому как все мое внимание привлекла лежащая на лавке девушка. Она сложила руки на груди и, казалось, спала. Красивая, тонкокостная, с аккуратным носиком, пухлыми губами и длинными ресницами, отбрасывающими кружевные тени на бледные щеки. Только вот даже в полумраке я заметил, что кожа ее бела как снег. Я сощурился, пытаюсь понять, поднимается ли ее грудная клетка. Но не смог отвести глаз от выреза белого сарафана, в котором виднелась пышная грудь.

Отвлекло меня то, что люк подпола дрогнул. А затем я услышал приглушенный голос: «Помогите...» Значит, пленники там.

Не сводя напряженного взгляда с неподвижной девушки, я сделал осторожный шаг в сторону люка. Еще один. И в этот момент ощутил за спиной какое-то движение. Сразу же в голове яркой вспышкой блеснула мысль: «Обманули!» Она смогла навести качественный морок. А сама пряталась за печкой.

Реакция моя была моментальной. Я ушел в сторону, пропуская перед собой широкую лапу с длинными черными когтями. Активировал Броню и развернулся, на ходу касаясь Плетения призыва. Послышался треск. Тяжелое лезвие ослепительно белого меча проломило крышу, а затем вонзилось в пол. Я же активировал Слово усиления и положил ладонь на широкую рукоять, вытаскивая оружие из серых прогнивших досок.

— Неплохо, бесоборец, — послышалось шипение сбоку.

Голос был неприятным. Скрипучим, словно кто-то открывал и закрывал дверь чулана с несмазанными петлями.

Я обернулся. В паре шагов от меня стояла грязная баба в сером изодранном сарафане. Высокая, ссутулившаяся, с длинными руками, свисающими ниже колен. Когти царапали пол.

Она не атаковала. Просто стояла, склонив голову и с интересом рассматривая меня. Ее лицо было изрезано глубокими морщинами. А на кончике длинного крючковатого носа красовалась большая бородавка. Спутанные седые волосы свисали редкой паклей. А еще на кривом лице был только один глаз. И я наконец смекнул, кто передо мной.

— Бесоборец, — проскрипела баба и облизнула тонкие бескровные губы. — Молодой. Скоро пой-

дет в печь. А я отведаю сочного мяса. Хотя... Может быть, ты сам в печь залезешь? Сберегли бы время.

— Вот еще, — фыркнул я. — Обойдешься, мерзкая бабка.

Лицо старухи исказила гримаса злости. Она оскалилась, продемонстрировав длинные желтые клыки:

— Зря вы меня разбудили! — рявкнула она, и я отшатнулся. В ушах зазвенело. А затем Лихо бросилось на меня.

«А начиналось все так хорошо», — мелькнула в голове запоздалая мысль.

И я вступил в бой.

Глава 1

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Несколько месяцев назад

Я стоял перед дверью с табличкой «Приемная», не в силах постучать в нее. Не то чтобы меня пугали визиты в кабинет директора. Совсем нет. За время обучения в приюте я навещал это благословенное место дважды в неделю. А в особо удачные седмицы количество таких визитов могло достигать десяти. Но в этот раз все было иначе. И я действительно чувствовал себя виноватым.

А еще мне было дурно. Во рту стоял стойкий привкус чего-то необъяснимо отвратительного, глотка растрескалась и пересохла. Голову словно проволокой стянули, руки-ноги слушались плохо. Безумно хотелось пить. Несмотря на то, что вода в меня уже не лезла. Вечеринка по поводу успешно сданных экзаменов и выпуска удалась на славу.

«Ладно, — пытался успокоить себя я. — Сделанного не воротишь. Кто же знал, что все так получится. К тому же учебный год уже закончен. Экзамены сданы, и со дня на день меня должны будут выпустить во взрослую жизнь. Так что...»

По обычаю старшей школы после сдачи экзаменов, которые длятся до конца июня, и получения аттестата об окончании общего образования, устанавливаются двухнедельные каникулы, после которых школяры сдают экзамен на ранг владения силой. Они длятся до середины августа. После чего проходит торжественное вручение бумаг, устраивается выпускной с соблюдением всех традиций учебного заведения.

Я глубоко вздохнул и несколько раз стукнул костяшками пальцев в створку. Дождавшись приглушенного: «Войдите», потянул на себя ручку двери и вошел в приемную.

Осмотрелся, будто ожидал увидеть что-то новое. Хотя здесь ничего не менялось. И за время предыдущих визитов, откровенно скучая, я успел изучить комнату.

Этот кабинет разительно отличался от приюта. Большое и светлое помещение со свежевыкрашенными стенами. Плотные подогнанные доски начищенного паркета. Удобный кожаный диван и пара кресел из умной наноматерии в углу у входа. Деревянные шкафы со стеклянными дверцами, отгороженные от посетителей столом, за которым сидел секретарь. Точнее — секретарша.

Она что-то читала с экрана ноутбука. Хмурилась, рассеянно грызла колпачок ручки, то и дело убирая со лба непослушную рыжую прядь.

Карина Сергеева, красавица и умница, которая решила остаться секретарем после выпуска из приюта. Сама девушка мотивировал это тем, что за время, которое она провела в этих стенах, приют стал ей родным. Но как мне казалось, причина крылась намного глубже.

— Привет, Карина.

Сидевшая за столом девушка оторвала голову от экрана, посмотрела на меня и смущенно заправила прядь волос за ухо.

— Снова вызвал?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Нанюжуренные пальчики поправили узел моего галстука. Я заметил в зрачках больших зеленых глаз девушки отблески чужой Силы. И не смог сдержать улыбки. Значит, Петр Сергеевич Вяземский снимал стресс. Возможно даже, несколько раз. Об этой маленькой тайне знали трое. Я, Вяземский и Карина. Для остальных лицеистов девушка была неприступной недотрогой, смотревшей на школьников свысока. Впрочем, что знают трое — то рано или поздно становится известно всем.

— Как настроение? — я кивнул в сторону двери, на которой красовалась табличка «Директор Красносельского Имперского казенного лицея Вяземский П. С.».

Карина улыбнулась:

— На удивление спокоен. Даже рад.

Вот как? Ладно, попробуем забросить удочку еще раз:

— А зачем вызывал, не знаешь?

Карина благодушно улыбнулась:

— Он не докладывает. Ладно, иди. Хотя... стой.

Она подошла к столу, достала пластинки с жевательной резинкой. Вытащила одну, затем посмотрела на меня и добавила к ней еще одну. Подошла ко мне и вложила пластинки в мой открывшийся рот:

— Запах шампанского не перебить, но так будет хоть немного легче, — произнесла она, слегка надавив на подбородок, закрывая челюсть. — Все, иди.

Я подошел к двери и коротко постучал. После приглашения глубоко вздохнул, унимая страх, потянул ручку двери и вошел в кабинет.

— Вызывали? — остановившись на пороге, с обезоруживающей улыбкой поинтересовался я.

Петр Сергеевич сидел за столом. Перед ним лежала папка с личным делом. И я очень надеялся, что бумаги не мои. Услышав мой голос, мужчина оторвался от изучения документов и мягко улыбнулся:

— Проходи, Никита.

Признаться честно, такое поведение повергло меня в ступор. С чего вдруг у директора такое хорошее настроение?

— Да ты присаживайся, — с улыбкой продолжил он. — В ногах правды нет.

Я замер. И только спустя несколько секунд понял, что хочет директор. Благодарно кивнул и прошел по кабинету. Сел в кресло.

Петр Сергеевич довольно хлопнул в ладоши:

— Итак, могу поздравить, Воронов. Ты успешно сдал теоретические и практические квалификационные экзамены. И набрал минимальный балл для поступления в среднее учебное заведение. А еще тебе присвоен ранг мастера. Теперь нашему учебному заведению придется с тобой распрощаться.

Я на это лишь кивнул.

Царскосельский приют был старшей школой для бастардов, у которых Сила приобрела цвет. На протяжении двух лет, в довесок к грамоте, недорослей учили обращаться с Силой. А в конце обучения ученикам приходилось сдавать практические экзамены. Индивидуальные для каждого цвета Силы.

Сила бывает пяти цветов. Черный, к которому относятся стили энэра, магии крови, а также колдовство. Синий включает школы Льда, Воды, Ветра и Молний. Красный позволяет владеть Огнем и тайной магией. Зеленый дает возможность освоить Силы природы, Земли или Песка. Ну, а белый открывает способности к Свету или мистицизму.

После сдачи экзамена каждому подростку присваивается ранг освоения Силы. Большинство выходят учениками. И за десять лет берут планку мастера. Но мне повезло. И дважды я брал первые места на ежегодных школьных турнирах. К тому же легко сдал нормы на ранг мастера.

— Для меня было честью учиться в этом заведении. И я очень благодарен вам... — начал было я, но Вяземский меня перебил, переходя на «Вы»:

— Вы бы оказали мне огромное одолжение, юноша, если бы не указывали наше учебное заведение ни в одной анкете, — попросил он. — Нигде. Даже в социальных сетях.

Директор встал и прошел к двери, намекая на то, что мне пора. И я последовал за ним.

Вяземский открыл передо мной дверь и с улыбкой протянул мне ладонь:

— Надеюсь, мы с вами никогда не увидимся. И только между нами: попытайтесь начать новую

жизнь. Подумайте о том, что вы выходите в общество. Да, совсем забыл. Вот, держите.

С этими словами он полез в карман и достал связку ключей.

— Вот. Положенное вам императором жилье. Корабельный район. Не самое благоприятное место, да и уровень преступности там достаточно высок. Но это лучше, чем жить под мостом. Да и проживете вы там до момента, пока не поступите на служение какой-нибудь семье, — с легкой издевкой пояснил директор.

Я растерянно принял ключи, убрал их в карман пиджака.

— Кстати о семье...

Я кивнул в сторону стола. Где в рамке стоял снимок, на котором Петр Сергеевич в обнимку стоит с совсем еще юной девушкой.

— Я слышал, у Марии Петровны наконец обрела цвет Сила. Поздновато, в восемнадцать-то лет. Но...

— Моя дочь уже начала домашнее обучение. И готовится поступать в Институт международных отношений, — строго оборвал меня Петр.

— Отношения — это хорошо, — согласился я и пожал протянутую ладонь. — Ну, прощайте, Петр Сергеевич.

Директор улыбнулся и закрыл дверь за моей спиной. Я же довольно улыбнулся Карине. Но она никак не отреагировала. Открыв от удивления рот, девушка смотрела видео на телефоне. На щеках Карины выступил румянец.

Я прикрыл за собой дверь и спустился по лестнице. Посмотрел на часы: у меня минут десять. И лучше бы за это время мне покинуть корпус общежития.

Директор Царскосельского приюта для бастардов, Петр Сергеевич Вяземский, прошел по кабинету и сел в кресло. Откинулся на спинку, устало глядя в монитор.

Он возглавлял приют двадцать лет. И впервые на его памяти ему попался настолько... беспокойный ученик.

Петр Сергеевич устало прикрыл глаза. И не смог сдерживать довольной улыбки: наконец-то беспокойный юноша ушел. Что будет с ним дальше — головная боль преподавателей, которым не повезло познакомиться с ним, принимая его в ряды учеников.

Директор встал и подошел к сейфу. Набрал цифры кода, потянул на себя дверцу, вынул бутылку с янтарной жидкостью. Вернулся к столу, откупорил коньяк, налил в пузатый стакан, извлеченный из ящика стола. И торжественно поздравил сам себя:

— Ну, за освобождение от проблем... — Вяземский отсалютовал портрету бородатого мужчины, висящему на стене.

Но выпить ему не дал телефон, который завибрировал на столе. Вяземский взял аппарат. На дисплее высветились номер и фотография улыбающейся девчушки с двумя косичками.

Петр провел пальцем по экрану, принимая звонок:

— Да, доченька.

В ответ в динамике послышались всхлипывания и рыдания, среди которых с трудом можно было разобрать отдельные слова: